

Двойник цезаря

В Енисейск Сашка попал в середине семидесятых случайно.

Детство его прошло в маленьком провинциальном городишке, который был примечателен лишь тем, что стоял на крутом берегу Волги. Он с первого класса мечтал стать писателем. Ни космонавтом, ни сталеваром, а именно -писателем. И с малых лет шел к своей мечте. Талантом судьба его не обделила, и Сашка прикладывал к этому своё упорство и трудолюбие, шагая к цели размеренно и поступательно.

Учился Сашка прилежно, но не был заученным отличником, был тих, задумчив и молчалив, как и подобает быть будущему вещателю истин.

Он тяжело переболел какой-то мудреной оспой, которая избородила и без того ничем не примечательное лицо щербинами, сделав его несколько старше.

Школу Сашка закончил с серебряной медалью, и поступил в областной университет в Куйбышеве на факультет журналистики. Стал студентом, и открылась у него вторая страсть – страсть к общению со змием зеленым. Однокашники как-то умели удерживать хрупкое равновесие при употреблении спиртного, а Сашка не мог. То ли иммунитет у него отсутствовал на это дело, как у чукчей, то ли ген какой потерялся при небесном конструировании его индивидуальности, но, выпивая, не мог остановиться. Это, однако, нисколько не помешало ему закончить алма-матер с красным дипломом.

Красный же диплом давал возможность выбрать будущее место трудоустройства по собственному разумению, минуя обязательное в те годы распределение. И выбрал романтик Сашка для себя Камчатку, куда и по распределению-то никого не посылали.

Сагитировала его туда сестра, каким-то лядом оказавшаяся в тех краях, она писала ему письма и рассказывала, что нет ничего на свете красивее Камчатки: и романтика, и деньги хорошие.

Всем небогатым семейством, к коим приехал Сашка отметить окончание университета и красный диплом, купили ему билет на самолет до Петропавловска с пересадкой в Красноярске, где нужно будет лишь закомпостировать билет.

И вот она – взлетная полоса, разбег, полет.... В самолете соседями оказались добродушные бородатые геологи. Отметим, как положено, начало экспедиции и сашкин диплом. В Красноярск прибыли «тепленькими», а Сашка же в полной прострации. Геологи уложили его на лавку вокзала.

Проснувшись, Сашка, поправив свой невзрачный галстук, с трещавшей по швам головой рванул к кассам компостировать билет, желая побыстрее увидеть «под крылом самолета зеленое море тайги».

Но произошло то, что изменило всю его дальнейшую линию жизни. Камчатка оказалась закрытой зоной. Кажется, до сих пор сохранились какие-то ограничения в пребывании в тех краях. А сестра в своих восторженных письмах как-то упустила этот

важный момент. Хождения к начальнику аэропорта ничего не дали. Закрытая зона, только по разрешению.

Пересчитав свои скудные капиталы, Сашка понял, что и на обратный билет не хватит. А голова трещала, и начинающий журналист решил чуть усугубить пивка. Головная боль, конечно, прошла, но нашлась компания, и три дня пролетели как один.

Проснулся Сашка на той же лавке. Денег уже не было, но документы в целости. Еще три дня журналист прожил на вокзале, питаясь подкормками сердобольных северян. Но Сашка понимал, что продолжать бичевать долго не сможет, и он двинул свои стопы в Красноярск.

Нашел в краевом центре Управление печати, а тогда все средства массовой информации управлялись централизованно под неусыпным оком авангарда всего человечества – партии.

Пооббивав пороги, Сашка попал все-таки к начинающему заплывать номенклатурным жирком начальнику управления. Тот, понимая, что журналисты и близко не святые люди, вошел в сашкино положение, и выдал ему направление в Енисейск в районную газету, где было место корреспондента. Будущему корреспонденту районки выдали даже подъемные, с которых он тут же пообедал в сытной и недорогой столовой Управления. Косил с тоской глазом на Жигулевское, но твердо решил – ни грамма, даже пива.

Вот так Сашка прибыл в Енисейск, бывший при царе столицей мощного и неохватного края, а теперь влачащий жалкое существование провинциальный сибирский городок, где жителей было всего двадцать тысяч, и все друг друга так или иначе знали.

В газете молодого журналиста приняли хорошо, несмотря на заросшее щетиной лицо и потрепанный вид. Красный диплом произвел и здесь впечатление. Ему сразу же дали чистенькую комнату со скрипучими полами в каком-то тихом ведомственном общежитии.

Редактор газеты был чуть старше Сашки. Молодой чуваш, говоривший с легчайшим акцентом, и амбициозными карьерными планами партийную дисциплину «блюл», и усадил непроверенного Сашку за редактирование текстов, написание безымянных заметок о трудовых подвигах лесозаготовителей, строителей и прочих передовых людей того времени.

Сашкины стиль письма и классический слог внушали уважение, а трудолюбие и безотказность при внеплановом дежурстве в типографии быстро завоевали симпатии и редактора, и коллектива.

Енисейск очень понравился Сашке. Обладая званием «Город-памятник», в народе звался «памятник городу», был тих, размерен и патриархален. Но и оставшегося былого очарования сибирского барокко хватало, чтоб завладеть сердцем каждого, кто сюда приезжал. И Сашка решил здесь остаться, изменив первоначальный план: заработать денег и добраться до вожделенной Камчатки.

Прошел месяц, Сашка был трезв и опрятен, трудился за троих, и один раз редактор решил взять его на первую «боевую вылазку» - интервью.

Праздновалась какая-то очередная годовщина какого-то шибко важного деревообрабатывающего производства. Корреспондент справился с задачей блестяще, взял интервью и оставил приятное впечатление от своих плавных, наводящих вопросов. Стенографией он владел на автомате, красный диплом всё ж. Редактор был доволен.

Такие празднества в те времена обязательно заканчивались обильным застольем. И это не было исключением. Шурик, конечно, не удержался и принял самую малость, но удержал через силу марку. Банкет покинул вполне прилично. Но был «еще не вечер», и компанию, «почитающую троицу», найти оказалось просто. И корреспондент добрал недостающую норму полного счастья. Но счастье оказалось чрезмерным, и Сашка провалился в небытие.

Возращение из небытия было тягостным и кошмарным. Проснулся он от холода, к ноге прилипла дерматиновая обивка кушетки, на которой спал. Простынь, которой был укрыт, сырая. Брр. В глаза била тусклая лампочка, закрытая плафоном с решеткой. Стены же были просто какие-то фантазмагоричные, грязно-серые с произвольно набросанной штукатуркой, которую как будто пьяный в дусю штукатур забыл разровнять. На соседней кушетке басом и с присвистом храпел сосед, огромное пузо которого высоко вздымало простынь.

Сашка силился понять, в какой ад он угодил, и не мог ничего вспомнить. В таком необычном месте он был впервые.

Кто знает силу глубокого похмелья, тот поймет. Корреспондент лежал, боясь пошевелиться. Душа его сжалась и трепетала как фруктовое желе, попавшее на солнце.

Неопределенность бытия нарушил громкий крик: «Подъем!», и Сашкина душа сразу упала в пятки. Ясность и объяснение ситуации дали отворившаяся с клацаньем дверь и появившийся на пороге милиционер-сержант, который, пряча под усами полуулыбку, рявкнул: «На выход!»

Не проснувшийся толком толстопузый сосед замешкался и тут же получил от сержанта очень увесистый подзатыльник. Следом раздалась следующая команда: «Бегом в туалет и строиться в коридоре!»

Сашке хотелось сжаться в маленький комочек и спрятаться в себе самом, но, будучи человеком дисциплинированным, он быстро исполнил приказ и встал в коридоре. Строй разновозрастных мужчин в трусах и плавках представлял собой забавное зрелище. Как будто мировая скорбь опустилась на этих трясущихся и опухших мужчин.

Самодовольный сержант, взяв папку с бумагами, обходил шеренгу взад-вперед, затем, подойдя к первому, рявкнул :

- Фамилия, имя, отчество?

- Алексеев Иван Емельянович....

Сержант поставил какую-то отметку в своих бумагах и подошел к следующему, рывкнул опять:

-Фамилия, имя, отчество?

- Кытманов Андрей Иванович ....

Очередь дошла до Сашки, и сержант, не ленясь повторяться, жажнул:

-Фамилия, имя, отчество?

- Брежнев.....

Договорить свои ФИО Сашка не успел, получив увесистый удар по уху и отлетев в угол. По строю пробежал хохоток, несмотря на тяжкое душевное состояние всех присутствующих.

Сержант посмурнел и угрожающе изрек: «Ладно, шутник, я с тобой отдельно поговорю. Быстро в палату...»

Сашку Брежнева трясло, он боялся встретиться даже взглядом с грозным сержантом, но что ему делать - он не знал. Ну, вот, родился он с такой фамилией. Раньше это обстоятельство не доставляло никаких проблем, даже наоборот, многие высказывали определенное уважение.

В течение часа Сашка получил еще три удара по уху и пять серьезных пинков, но вынужден был стоять на своем. Сержант с подключившимся к делу лейтенантом сочли его в итоге за залетного придурка, но продолжали допрос:

- Место работы?

-Газета «Е.....»

-Ах, ты, сученок....

И Брежнев получил очередную оплеуху по уху. Нужно признать, что работа в газете почти приравнивалась к партийной.

Но блюстителям трезвости нужно было сдавать смену и что-то делать

с этим придурком, который себя возомнил, однако. Повидали они всяких «наполеонов».

Лейтенант вознамерился оформить шизика на трое суток для выяснения личности. Но смекалистый сержант решил все-таки позвонить в редакцию газеты, и за Сашкой тут же прибежал редактор.

Менты для проформы извинились за излишнюю горячность, но, сами понимаете, на кого посягает! Договорились обойтись без протоколов, негоже ответственному газетному работнику бывать в таких местах. Не дураки, ведь...

Брежнев получил от редактора большущий нагоняй и выговор, и после этого полгода не употреблял, усиленно трудился, статьи его были изящны и интересны.

Слушок из вытрезвителя все-таки просочился в народ, и быстренько, как инфекция, пополз по городку, обрастая всё новыми пикантными подробностями. Через неделю Сашку Брежнева знал весь город. Он стал знаменитостью, а случай превратился с годами в местный анекдот....